

Автор этой статьи, Михаил Осипович Меньшиков (1859—1918), мало кто знает из современных читателей, а между тем это имя было одним из самых знаменитых в русской публицистике дореволюционной России. Он был постоянным сотрудником русской патристической газеты «Новое время», принадлежавшей А. С. Суворину, личности яркой, известной многообразием своей литературно-творческой деятельности, дружескими связями с великими русскими писателями. М. О. Меньшиков высоко ценил Толстой, Чехов, Лесков, другие выдающиеся современники. В «Яснополянских записках» Д. Маковицкого приводятся высказывания Льва Николаевича о Меньшикове. Вот некоторые из них: «Л. Н. привел много примеров из Меньшикова, как он обогатил литературный язык, его выражения останутся [будут употребляться]». «Только Меньшиков может так остроумно написать». Толстой отмечал две черты Меньшикова: твердость и мужественность». «Л. Н. о «Письме к ближним» Меньшикова в «Новом мире» 14 октября сказал, что на Меньшикова все газеты нападают и что напрасно они это делают, потому что он с новой стороны смотрит на вещи. У него есть смелость». И т. д., и т. д.

Меньшиков писал обо всем, что происходило тогда в стране, о различных общественных, военных, хозяйственных, бытовых вопросах, о нравственном и физическом здоровье народа и т. д. Так, в серии статей «Думы о счастье» он призывал к земле, труду на ней, видя в этом источник счастья. И у Достоевского ему дорог этот «догмат о земле», то,

что великий писатель землю «не отделял от народа», она была «основанием всего», поистине почвой народной жизни. Достоевский видел величайшую опасность для России в том, о чем говорит герой его рассказа «Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаж»: «Надо, во-первых, дать ход иностранным компаниям для скупки как на участках наших земель. Надо, говорит, чтоб иностранные компании скупали по возможности всю нашу землю по частям...». Как это созвучно нашему времени, когда «прорабы перестройки», межрегиональная группа депутатов, яростно добиваются того, чтобы продавать землю всем, кто хочет ее купить, в том числе иностранцам. Тогда, в прошлом веке, после отмены крепостного права дельцы новой формации, ростовщики хитро набросились на землю как на выгодный товар, но правительство было предпринято меры в защиту земледельцев. В частности, был открыт Крестьянский банк — по продаже дворянской земли крестьянам. Тогдашний министр государственных имуществ М. Н. Островский (брат великого драматурга) всячески препятствовал тому, чтобы казенные земли попали в руки ростовщиков, их зарубежных собратьев. Найдется ли ныне такой государственный щит в интересах крестьян, земледельцев?

Как Достоевский в своем «Дневнике писателя» кричал во весь свой голос о том, чем болело его сердце о России, так Меньшиков в своих «Письмах к ближним» потрясает своим поистине воплем о

* М. О. Меньшиков. «Письма к ближним». СПб, 1903 г.

происходящем в стране. Одно из толстовских высказываний о Меньшикове особенно многозначительно. «Меньшиков видит, что государственности настал конец». Вот это ощущение идущей к катастрофе, гибели России и стало нестерпимой болью публициста... Он кричал, но его не слышали. Когда мне в руки попала книга его, составленная из отдельных выпусков «Писем к ближним», меня поразили объявления в конце каждого выпуска: где, в каких магазинах продаются книги Меньшикова. Оказывается, они лежали на складах, их не раскупали. Это был голос вопиющего в пустыне. Но он видел то зло, которое несут беды, грозящие гибелью России. И он не ошибся. Захватившие власть Троцкие — Зиновьевы делали то, что М. Горький в «Несвоевременных мыслях» назвал беспощадным опытом, экспериментом над живым телом России, русского народа. А еще точнее это назвать геноцидом народа.

Мог ли он молчать в наше время, видя, что «новое мышление», «приоритет общечеловеческих ценностей» преподносится как средство создания «мирового правительства» со ссылкой на «манифест Рассела—Эйнштейна» [журнал «Дружба народов», № 6, 1988] и на академика А. Сахарова [газета «Советская культура»].

А мы даже не задумываемся об этих зловещих планах, о том аде, который готовит нам «мировое правительство».

М. ЛОБАНОВ

В ТЕ ГОДЫ, когда нарождалось теперешнее молодое поколение, донативал свою жизнь один великий старец, писатель по призванию, но отчасти и подвижник, и страстотерпец, и, если хотите, пророк. По крайней мере, до сих пор его считают непревзойденным прозорливцем в самых глубоких и темных безднах человеческой, и писания его, как мощи, все еще нетленны, и прикосновение к их духу до сих пор творит многочисленные чудеса. «Дух Господень на мне», — мог бы в иные времена сказать этот писатель, ибо и в самом деле его проповедь была многим «планным освобождением», «слепым прозрением», со слезным сердцем — мир и надежда на «благоприятное лето» Господне, на хорошие, счастливые времена.

Вы, конечно, догадываетесь, о каком писателе я говорю. Нынешняя молодая Россия была в зачатии, когда умирал Достоевский. Он умирал в смутные, трагические дни, обремененный тяжкими предчувствиями; больной, он хватался за перо и коснеющей рукой спешил оставить родине свои мысли. Последний «Дневник» великого человека мы читали, уже идя за его гробом в одно февральское грустное утро. Последний «Дневник» можно рассматривать как предсмертный завет Достоевского, как крик умирающего духа, если дух столь могучий вообще умирает.

Коренной русский человек, мелкий дворянин (по-видимому, из недавних попавичей), Достоевский очень рано, еще в детстве, — вспомните трогательный рассказ про мальчика Марю, — еще в глубоком детстве был поражен видением души народной и восхитен им, и очарован, как, может быть, никто из наших народолюбцев. Начиная от чувствительного Жуковского и ясновидящего Пушкина, пошло поколение «кающихся» дворян в нашей литературе: величие таланта было в то же время и жалость к народу, и восхищенная любовь к нему. Лев Толстой писал Григоровичу в день юбилея: «Помню умиление и восторг, произведенный на меня, тогда 16-летнего мальчика, не смеявшего верить себе, Антоном Горемыкой», бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика — нашего кормильца и, хочется сказать, нашего учителя, — можно и должно описывать, не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом». Но даже Толстой, влюбленный в кроткую душу народную, не нес ее в себе самом, как Достоевский: с такою болезненною страстностью и отчаянием за нее, а временами с блаженной верой в нее и с гордостью, почти отталкивающей.

Достоевский знал образованную Россию — она прошла по нем эшафотом и каторгой, и солдатскими истязаниями и чуть не замучила насмерть. Достоевский знал темную Россию, он вместе с мужиком валился в пропасти человеческого горя. И тут-то, «на дне» жизни, в каторжном остроге, он еще раз пленился народом и уже навсегда преклонился перед ним. Преклонился как великому грешнику, но почти невольному, всегда падающему в грязь и всегда своею совестью омытому, — существу, в великих страстях и муках как бы хранящему Христа в

О НЕУТОИЕННОЙ ПРАВДЕ

Михаил
МЕНШИКОВ

божнице сердца, существу, имеющему, кроме внешнего, весьма корявого, еще какой-то внутренний, почти святой облик. Народу Достоевский посвятил свои самые горячие мечты, и можно сказать, что в тревоге о судьбе народной он испустил последний вздох. Припомните его последний «Дневник»!

В самом деле, теперь, когда крестьянский вопрос снова поставлен «превыше всего», позволительно было бы спросить не только живых сведущих людей, но и мертвых — вот, например, таких тонких наблюдателей народа, как Достоевский, Тургенев, Щедрин, Глеб Успенский, Писемский, Островский. У нас издатели выпускают иногда невозможный вздор, интервьюеры бегают с анкетой по актерам и адвокатам. Но вот великое общество действительно замечательных людей — полубытовое и безмолвное. Вот чьи мнения стоило бы восстановить в памяти! Если бы наша журнальная молодежь, иногда решительно не знающая о чем писать, была бы предприимчива, в разгаре каждого общественного вопроса ею подавалась бы обществом талантливая «справка» из старой литературы. Публике лень или некогда рыться в библиотеке, некогда разыскивать, что думали наши великие люди о земле, о народе, о просвещении, о свободе веры и т. п., но хорошая справка могла бы вам напомнить все это и направить вас в глубь источников. Подобный «доклад» по каждому вопросу был бы услужлив и обществу, и тем великим, кого мы так скоро и так прочно хороним в своем забвении.

Для примера позвольте мне напомнить некоторые мысли Достоевского, которые написаны им как завещание в последние его дни. Но прежде вспомним вообще, что такое был Достоевский, какой верой жил он относительно народа. Уже тогда, тридцать лет назад, всем бросалось в глаза явное обнищание крестьян и полное расстройство деревни. И тогда для всех сколько-нибудь вдумчивых людей было ясно, что основной корень всех народных бед нужно искать в земле, в потерянном равновесии человека к земле, в оторванности от земли. У нас думают иногда

что так называемые босяки сочинены г. Горьким, как бы вызваны из тьмы манастиря его пером; но нашествие босяков тревожило Достоевского еще двадцать семь лет назад. «Это будущие дикие, — писал Достоевский («Дн. Пис.», 1876 г.), — которые проглотят Европу. Из них изгояется исподволь, но твердо и неуклонно, будущая бесчувственная мразь». Вопреки общему обычаю — говорить о важных вещах экивоками и как можно непонятнее — Достоевский убежденно и честно указывал причину босячества. «Вся причина — земля, то есть почва и современное распределение почвы в собственности», — говорил он. Глубокий консерватор, Достоевский исподволь, но твердо и неуклонно, в возвращении к земле. За четверть века до марксизма он уже боролся с кощунственной идеей перевести весь народ, как он есть, в городской пролетариат. «Дети людей, — кричал Достоевский, — должны родиться на земле, а не на мостовой. Можно жить потом на мостовой, но родиться и всходить нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут... В земле, в почве есть нечто сакральное. Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей сделать людей, то наделите их землей — и достигнете цели».

Землю Достоевский не отделял от народа. «Русский человек, — писал он, — с самого начала и никогда не мог представить себя без земли. Уж когда свободы без земли не хотел принять (выше он объясняет, что это значит: «Мы ваши, а земля — наша», — говорили мужики дворянам) — значит, земля у него прежде всего, в основании всего. Земля — все, а уж из земли у него все остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь — одним словом, все, что есть драгоценного».

Достоевский высказал эти прекрасные мысли десятилетием раньше другого великого писателя, и можно себе представить, будь он жив до сих пор, какое бы получилось из этих двух голосов громовое созвучие!

Столь бесспорно присоединяя к

народному догмату о земле, Достоевский далек был от маниловских идилий, далек от того, чтобы идеализировать мужика. Напротив. По всем его сочинениям разбросано столько же укоров по адресу народа, сколько и восторгов, и укоров самых жестоких, дышащих той особенной непримиримостью, — которой отличается вопль сына, оскорбленного бесчинством родной матери. Достоевский в спокойные минуты утверждал, что «народ всегда и везде умен и добр», но часто кричал со стоном, что народ — варвар, что «загноился народ в пьянстве», что весь он «предан мраку и разврату», что «в народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму» («Дн. Пис.», 1876 г.). Наблюдая ужасы зверства, которые вносят в народ водка, писатель не только кричал — во весь свой голос, — что водка «скотинит и зверит человека, ожесточает его и отвлекает от светлых мыслей», но в безнадежном отчаянии пускался даже на смешные проекты. Он обращался с воззванием — как вы думаете к кому? — к обществу покровительства животным, чтобы хоть оно вступилось за права человека, хоть оно что-нибудь сделало «для уменьшения в народе пьянства и отравления целого поколения вином». «Ведь иссякает, — вопил Достоевский, — народная сила, гложет источник будущих богатств, беднеет ум и развитие — и что вынесут в уме и сердце своем современные дети народа, выросшие в скверных отцов своих? Загорелось село и в селе церковь; вышел целовальник и крикнул народу, что если бросят отстаивать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстоял».

Надо знать дух Достоевского, чтобы представить себе его бешенство при таком примере низости народной. В такие минуты он думал, что «все вещи сложились как бы с целью искоренить в человеке всякую человечность», что «обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий об-